

Из летописи Московской битвы

Около землянки остановился «вплес», робко просящийся. Через минуту в узкую дверь протиснулись широченный в плечах лейтенант, знонко прокричал:

— Товарищи артисты Большого театра, я за вами. У нас с утра полное затишье. Езьте к нам!

Я осмотрелась вокруг. «Товарищи артисты» спали: кто прямо на растеленном по полу тулупе, кто на раскладушке... Все в концертных костюмах. Особенно необычных для серого колорита землянки выглядел черный сюртук Г. Пасечкина. Тенор лежал свернувшись на солдатском сундуке с зажатыми в руках вогатым и похрипывал очень тихо.

Через десять минут, памятуя о всяких нежизненных фронтах обстановки, мы все уже были готовы к отъезду.

По коридору — закрывал тот же лейтенант, прибывший делегатом на распоряжения соседнего полка.

И так каждый день. Выступали на тыловых оборонительных рубежах, то почти на передовой. Нас всего бывало в концертной бригаде Большого театра человек по десять—двенадцать, но даже в тишине осенних дней сорон первого года не могла отнять радость, которую давали нам восторженные слушатели — бойцы Красной Армии. Они защищали столицу, мы защищали честь нашего искусства быть всегда с народом, делить его счастье и горе.

Фронт проходил через сцену Большого...

В конце октября, когда враг был «в трех шагах от Москвы», мы, оставшиеся часть труппы Большого театра (основная часть была эвакуирована в Куйбышев), получили разрешение ставить спектакли в помещениях филиала. В основном — колодезь во главе с Н. Обуховой, С. Лемешевым, Е. Степановой и Н. Буранком, окрещенными нами «могучей кучкой».

Зрители наши были в шинелях, касках, с автоматами и винтовками. По окончании спектакля вся труппа выходила на авансцену: мы желали бойцам счастья и удачи.

Репетиции и театральные костюмы у нас были более чем скромными. Я, например, села Виолетту в опере «Травиата» в платье из тюля, подкрашенного в розовый цвет. Но усилия театральными костюмерами не пропала даром, и платье было хоть куда.

Спектакли прерывались неоднократно. Под вой сирен, проинвазий и сюда, в театр, часть зрителей шла в убежища и метро, нас утешивали, но мы оставались: костюмы, грим — куда же лезть? Ведь спектакли после отбоя продолжались с прерываньем отбоя. Предположим, Жермон — И. Буранк спрашивал меня: «Вы ли сыноро Валери?». На утврительный ответ сообщал: «Отец Альфреда перед вами». «Вы?» — замирала я. «Да, я, с нескрываемым... Вдруг «Воздушная тревога!» А после... И. Буранк снова пел: «Вы ли сыноро Валери?» А я, занимая свое место, отвечала: «Да, это я». И спектакль возобновлялся.

В худшем случае по тревоге лезли мы на крышу театра помогать пожарным гасить и бросать вниз, в сугробы «зажигалки». В лучшем — собирались на сцене или в красном уголке и старались занять друг друга рассказами.

Волнели любые сведения о жизни и делах на фронте, особенно под Москвой. Ну и прежде всего о наших товарищах по театру, ушедших на фронт. А их было много — 200. Колонна ополченцев — работников театра — была сформирована в первые месяцы войны. В седловых о них было много, как казалось, невероятного, неприложимого к ним, к нашим товарищам. Например, кто-то сообщал, что художник театра С. Самохвалов один взял в плен немцев в завод и доставил его колонной в штаб.

«Дело было так, — рассказывал сам Самохвалов, — я шел боковой к полковому врачу. День выдался солнечный, искрились снег лепил глаза. Тишина. Нелюбимые деревья по обим сторонам дороги — безветрие. Вдалеке настрекот идет человек. Расстояние между нами было большое, и первой моей мыслью было спросить у встречного, по той ли дороге я иду. Но, приблизившись, увидел, что это вражеский солдат. Чувствовал я себя плохо, но вспомнил, что по уставу надо брать инициативу на себя. Едва чудой солдат услышал шепелон затвора, поднял руки». Самохвалов разоружил его и повел в плен.

«Всена», «опера», — повторял все время солдат по дороге и мимически изображал игру из кимихие.

— Вот ведь как бывает, — за-

ключил С. Самохвалов, — художник из Большого театра взял в плен скрапача из Венской оперы. А он все твердил: мир, мир, музыка!

В самом начале войны среди комсомольцев, первыми ушедших на фронт, был премьер балета, замечательный танцор Миша Суханшин. Труппа провозглашала его, он уверенно говорил: «Вернусь. Носы на вешты!» — и улыбался огненно, по-южному. Лучшее его легинку никто не танцевал. И вскоре — известие о его смерти. Она была тяжелой утратой для нас, его друзей, сугубительной — для театра. А сколько танков потеряло на долю советского народа! Сейчас в Большом театре есть мемориальная доска, посвященная памяти погибшего Миши Суханшина.

Никогда не забуду и еще одного человека.

Шел концерт. В большую брезентовую папку, в дальнем конце которой длинный из козлах стол изображал сцену, сошлось много солдат.

Быстрой походкой к сцене, когда я кончила петь, приблизился офицер. Большие мечтательные глаза, голубые, светлые. И волосы, почти белые, зачесаны назад. Он не сморгал на меня, ни на кого. Взгляд его устремлен был вдали. Но обратился ко мне:

— Спойте, пожалуйста, «Велет парус одинокий». Я очень люблю Лермонтова.

Акирдефист кое-как подобрал мелодию, я пела, а лейтенант стоял на месте, задумчивый и ясный... Вдруг все загрозотало, забушева-

ло, солдаты вскакивали с мест, куда-то бежали, нас снимали со стола. Верх палатки понесло невидимой волной в сторону. Крики: «Ложись!» Все упали на землю. Мы ведь не были храбрецами и то, что делали, не считали героическим.

Заночевали в этой же части. Утром, когда я вышла из землянки, увидела солдат с носилками. Идут тихо. Белые волосы человека на брезенте я узнала сразу. Только глаза были уже закрыты. Несший носилки спереди, приостановившись возле меня, сказал:

— Бомбой... — и захлопнул рукой нас, его друзей, сугубительной — для театра. А сколько танков потеряло на долю советского народа! Сейчас в Большом театре есть мемориальная доска, посвященная памяти погибшего Миши Суханшина.

«Верху вниз...» — А какие стихи писал наш командир! Вот надо вам тетрадочку его передать.

Но она ко мне так и не попала. Скоро мы уезжали в другую часть, а фамилию поэта я так и не спросила.

Миша Суханшин, этот неизвестный поэт и многие, многие другие талантливые люди пошли на защиту Родины, погибли, уверенные, что она не будет покорена фашистами.

Радостное известие о начале контрнаступления наших войск под Москвой застало нас в театре, во время спектакля. Я была в артистической уборной. Кто-то пробегал, стукнув в дверь: «Всем на сцену!»

Участники спектакля «Совиный цирк» уже талпятся там. Занавес поднят, и никто из артистов не поймет, в чем дело.

Директор театра М. М. Габович громко, твердо, волнуясь, зачитал сводку. Информобюро. Я не помню, как уже и наши зрители оказались на сцене, обнимались, целова-

ли нас. Дирижер А. П. Чугунов дал команду оркестру, и грянул «Интернационал».

Была теперь радость, уверенность в победе!

Но сговариваясь, все участники спектакля, и я в их числе, пошли в Кремль, к Мавзолею. Огромные аростаты, нагоравшиеся ночью небо, теперь, лавазов, были уже ни к чему. И мы стояли молча на древней, седой от мороза брусчатке Красной площади...

Вскоре маршрут нашей концертной бригады пролеп по освобожденной земле через Нахбино, Калинин, Наро-Фоминск, Клину...

Поездка в Клину для нас была особенно маяншей, желанной. С Клином неразсторжимо связано имя великого Чайковского. Его домик, крыльцо так хотелось увидеть, и мы боялись, что все окончено, сломано, похищено.

Приехали в горку на автомашине. Немедленно направились к бывшему основательно, аккуратно, вилло, наперед и надолго, еще пестрели нахально на дверях, ломах, улах улиц. Там и здесь исковерканные машины, куда-то покатывшиеся колеса, насмех оттащенные с дороги трубы немеческих солдат, новенькие и смитые каски. И над всем этим ликование, радость победы, на сотня ядов повторяющиеся «Москва, Москва!»

Мы сошли с машины, идем, к нам присоединяются люди, кричат: «Большой театр!» А нас — маленькая кучка. Подглядываем на нашего директора М. Габовича.

В каком-то доме или клубе нам показали гитару, висевшую на стене. На деке ее красовалась любов-

но выведенная надпись «Испания». Рассказали, что ее хозяином был испанец, он часто пел, вместе с песнями своей родины и нашу «Ой ты, степь широкая», задумчиво перебирая струны. Он погиб, выйдя на фашистский танк с тремя гранатами. И теперь на грифе висел венок из увядших полевых цветов. После войны, много позже, я часто бывала в Клину, но уже ничего не слышала об этой гитаре и ее хозяине, как он оказался в России, кем был.

К домику П. И. Чайковского мы не попали: нас увезли на другую окраину. В ангаре авиационного полка проходило вручение гвардейского знамени. Поиню, у летчика Натрия, красивого до нестерпимости паренка, на фюзеляже истребителя в тот день появилась 24-я звездочка. А ему было всего 20 лет. После торжества состоялся концерт, балерина танцевала с сержантом грузином, я пела «Наличку», но мне казалось, мой голос порой невозможным различить в слаженном хоре молодых солдатчиков, подпевавших мне. Г. Пасечкин еще программой спел «Нелюбиво наше море» в дуэте с молодым латинкой, грудь которого украшал добрый десяток медалей. Да так, будто век пели вместе...

Нас везде ждали. В испуствие солдат находил силу, отвагу, кивалась мужества народа, вавзатленного в замечательных песнях, тпцах. И искусство наше мучало, набиралось силой солдатских сердец.

Нас везде ждали. В испуствие солдат находил силу, отвагу, кивалась мужества народа, вавзатленного в замечательных песнях, тпцах. И искусство наше мучало, набиралось силой солдатских сердец.

Анна КУЗНЕЦОВА,
бывшая солистка ГАБТ.